

**ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (конец XX — XXI вв.)**

Изучение уголовной политики зарубежных стран является необходимой предпосылкой для проведения сравнительных исследований и анализа достоинств и недостатков отечественных подходов к противодействию преступности. Опираясь на исследование Д. Гарланда о культуре контроля, можно прийти к выводу, что основные изменения, произошедшие в сфере контроля преступности в США и Великобритании — это усиление карательной составляющей контроля, возрождение смертной казни (в США), восприятие тюремного заключения как необходимого и неизбежного вида наказания, существенная модернизация системы превенции, применение новых методов управления для обеспечения безопасности. Уголовная политика становится результатом согласования воли и практических усилий различных акторов — государственных и частных.

A. Smorgunova

**TRANSFORMATION OF CRIME CONTROL POLICY IN THE US AND THE UK
(end of the XXth — XXI centuries)**

A study of crime control policy of foreign countries is a necessary prerequisite for conducting comparative research and for analyzing benefits and drawbacks of domestic approaches to crime control. Drawing on David Garland's research of the culture of control it is possible to conclude that major changes that occurred in the area of crime

control policy in the US and UK were the following ones: enforcement of the punitive measures, rebirth of the capital punishment (in the US), perception of prison as a necessary and inevitable type of punishment, serious modernization of the system of crime prevention, the use of new governance of security approaches. Crime control policy becomes a result of agreement and joint actions of various state and non-state actors.

По данным криминологических исследований преступность в мире неуклонно продолжает расти. В России уровень преступности резко вырос в 1990-е годы и продолжает расти до настоящего времени (несмотря на периодическое незначительное снижение официальных показателей). Большинство государств, в том числе и Россия, вынуждены находить новые способы реагирования на качественные и количественные изменения преступности. Однако изменение уголовной политики не всегда связано с трансформацией преступности. Перемены в политической, экономической, социальной сфере, в методах государственного управления, в расстановке сил на международной арене — все эти факторы оказывают влияние на характер тех мер, которые государство предпринимает для противодействия преступности. Целью настоящей работы является анализ изменений, произошедших в сфере контроля преступности в США и Великобритании за последние полвека, основными из которых были: изменение риторики контроля и становление идеологии «закона и порядка», возврат к практике применения жестких наказаний, возрождение тюремного заключения с одновременным отказом от идей реабилитации правонарушителей, повышение внимания к проблемам жертв преступлений, изменение основных стратегий превенции, вовлечение негосударственных акторов в процесс формулирования и реализации уголовной политики.

Блестящий анализ трансформации сферы контроля над преступностью в США и Великобритании представлен Д. Гарландом в ряде работ, в том числе в книге «Культура контроля. Преступность и социальный порядок в современном

обществе»¹. Реферат этой работы был опубликован в одном из отечественных журналов², однако российские ученые редко обращаются к анализу исследования Гарланда, хотя его идеи могут служить базой для проведения сравнительных исследований, использоваться для изучения уголовной политики не только в западных странах, но и в России. Нужно отметить недостаточную исследованность проблем контроля преступности за рубежом, хотя в последние годы появляются работы, посвященные анализу новейших тенденций в сфере уголовной политики³.

В нашей работе основное внимание будет уделено не причинам трансформации сферы контроля над преступностью, а самим изменениям и, отчасти, — последствиям этих изменений. К вопросам зарубежной уголовной политики мы обращались и в других своих работах⁴. Эта статья развивает и дополняет некоторые положения, уже высказанные ранее, и представляет собой обзор основных изменений, произошедших на арене уголовной политики в США и Великобритании.

Начиная с 60-х гг. XX века, в США и Великобритании уголовная политика претерпевает серьезные изменения. Прежде всего меняется официальный дискурс о преступности — законодатели и эксперты в области уголовной политики все чаще используют риторику, присущую рядовым гражданам, озабоченным проблемой личной безопасности и вызывающую их симпатию. Гарланд отмечает и то, что формулирование основных задач уголовной политики в США и Великобритании перестает быть уделом профессионалов. Вопросы борьбы с преступностью выносятся на широкое обсуждение, становятся темой избирательных кампаний. Ранее

направления и приоритеты уголовной политики разрабатывались группами профессиональных аналитиков, а на современном этапе эти группы заменены общественными комитетами и политическими советниками. Ценность криминологического знания существенно снижается, вместо экспертных оценок используется «здоровый смысл», утверждения о том, что «всем давно известно», как бороться с преступностью. Вовлечение политиков в сферу контроля над преступностью (вместо экспертов, которым традиционно принадлежала власть наказывать) привело не к поляризации подходов к проблеме контроля (как это следовало ожидать), а, наоборот, к формированию единого подхода, связанного с применением жестких санкций. Риторика «закона и порядка», к которой изначально прибегали республиканцы для привлечения голосов избирателей, вскоре получила признание и в стане демократов, которые и после укрепления своих позиций в политике в 90-е годы не смогли отказаться от популистских лозунгов предшественников.

В обществе постепенно растет страх перед преступностью и одновременно теряется вера в эффективность традиционных способов противодействия ей. Гарланд связывает этот факт с изменениями социальной структуры общества, и в особенности с изменением положения среднего класса. Если ранее средний класс находился в более изолированном и привилегированном положении, то теперь он все чаще стал сталкиваться с преступным поведением — увеличилось количество проникновений в жилища, угонов автомобилей, ухудшилась ситуация с безопасностью детей в школе и на улице, в целом увеличилась виктимизация. Все это привело к ощущениям собственной уязвимости, непрочности своего положения, отсутствия контроля над ситуацией. Кроме того, государственная политика по ужесточению контроля и образ преступности, соз-

даваемый средствами массовой информации, привели к изменению отношения к проблемам наказания. Большинство населения считает, что приговоры, выносимые преступникам, являются слишком мягкими, а государству следует усиливать меры по противодействию преступности⁵. Как следствие, общественность требует от государства защиты и возмездия. Гарланд называет этот процесс «редрамматизацией» преступности. Политики вынуждены реагировать на требования избирателей, однако усилия государства направляются на реализацию программ по снижению страха перед преступностью (а не к снижению преступности).

Сама установка на ужесточение наказания, разделяемая как населением, так и представителями власти, артикулируемая в политических заявлениях и средствами массовой информации, приводит к тому, что существующая система уголовной юстиции становится жестче даже до принятия соответствующих нормативных актов. Гарланд пишет, что зачастую произнесенные слова об ужесточении контроля уже являются действием⁶: под их влиянием судьи выносят более суровые приговоры, назначают более длительные сроки лишения свободы, чаще становятся на сторону обвинения; соответствующие чиновники не склонны принимать решения о досрочном или условном освобождении; полиция чаще настаивает в суде на применении предварительного заключения в качестве меры пресечения, а судьи требуют предоставления более существенных сумм залогов; реже проводится амнистия.

Еще одно изменение — возврат к практике наказаний, причиняющих моральные и физические страдания, клеймящих правонарушителей. В течение первой половины XX века жесткие меры наказания, санкции, причиняющие моральные страдания, осуждались, воспринимались как анахронизм. В современной

практике контроля наблюдается возрождение идеи о необходимости жестких способов воздействия на преступников. Происходит это в различных формах — возрождаются телесные наказания на юге США, принимаются решения об обязательной регистрации преступников, совершивших преступления в сексуальной сфере, педофилов и об уведомлении общественности о личности этих преступников (с использованием различных технологий распространения информации).

Смертная казнь используется крайне редко, ее превентивный эффект крайне сомнителен, однако в США она послужила серьезным символом и симптомом распространения карательных настроений. Интересно, что в конце 60-х годов в США существовал фактический мораторий на применение смертной казни, подкрепленный в 1972 году решением Верховного Суда США по делу *Furman vs. Georgia*, в соответствии с которым все законодательство, предусматривающее возможность применения высшей меры наказания, признавалось неконституционным. Мораторий был отменен в 70-е годы вместе с казнью Гэри Гилмора в Юте в январе 1977 года⁷. В отношении смертной казни любопытно упомянуть тот факт, что ее возврат в систему наказаний не был обусловлен серьезной поддержкой этой меры со стороны избирателей. Напротив, в 60–70 годы смертную казнь в США поддерживали только около 40% населения, к концу 90-х — около 80%. В настоящее время США — единственная из западных стран, в которой смертная казнь существует де-юре и де-факто. Существование смертной казни в структуре видов наказания задает общий тон уголовной политике, ориентируя ее в сторону более широкого применения карательных мер. В отечественной криминологической литературе звучали мнения о том, что смертная казнь, оказываясь на вершине лестницы наказаний, стимули-

рует правоприменителя к назначению более длительных и суровых наказаний правонарушителям⁸.

Центром политики контроля становится жертва, ее права и интересы. Стратегия «трех ударов» (“three strikes and you're out”) — один из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих то, как в результате инициатив со стороны жертв была воплощена в законе практика, направленная на серьезное усиление карательной составляющей уголовной политики. «Три удара» зародились в США в начале 90-х в Калифорнии (по инициативе отца девочки Полли Клаас, убитой преступником-рецидивистом). На федеральном уровне она была одобрена в ежегодном обращении к нации Б. Клинтона и закреплена в законе 1994 года «О контроле над насильственной преступностью и правоприменительной деятельностью». Стратегия «трех ударов» изменила принципы назначения наказания, поскольку предусматривала введение обязательных для применения минимальных сроков лишения свободы. В Великобритании эта стратегия также была одобрена на законодательном уровне и выразилась во введении законодательства, предусматривающего пожизненное заключение за совершение повторного тяжкого преступления, минимальное наказание в виде семи лет лишения свободы за некоторые наиболее тяжкие виды преступлений, связанных с наркотиками, и минимальное наказание в виде трех лет лишения свободы за совершенное в третий раз берглари. Правда, формулировки законов в обеих странах предполагали возможность для судей не применять закон в исключительных обстоятельствах. Это привело к тому, что в ряде случаев применение стратегии носило чисто символический эффект и не повлияло на общий уровень заключенных⁹. В США ситуация отличалась для разных штатов. Так, приблизительно за 10 лет функционирования в Калифорнии законодательст-

во о «трех ударах» было применено более чем к 42 000 осужденных, в Джорджии — к 7000, в Мэриленде к 330, а в Монтане — к 0. Сложно судить о том, привели ли «три удара» к снижению уровня рецидивов, однако с помощью данной стратегии государство получило возможность лишь один раз продемонстрировать населению свою готовность непримиримо бороться с преступностью.

Интересно, что новые уголовные и уголовно-процессуальные законы получают свое наименование по имени жертв тех преступлений, совершение которых привело к появлению новых норм. Образы жертв подаются как персонализированные, персонифицированные примеры, оправдывающие введение новых, более жестких мер контроля. Посредством этого государство утверждает, что жертвой мог бы быть каждый из нас. Голос жертвы — это отражение общего, коллективного опыта, а не индивидуального опыта конкретного пострадавшего от конкретного преступления.

Гарланд отмечает, что ранее защита общества не была лидирующим мотивом при определении направлений уголовной политики. В 1968 году была опубликована книга Г. Паккера, в которой он утверждал о существовании двух моделей уголовной юстиции — контроля над преступностью и должного процесса¹⁰. Первая основана на идее о приоритете обеспечения безопасности общества, вторая — на приоритете прав человека при осуществлении правосудия. Впоследствии идеи Паккера подвергались критике, говорилось о необходимости выделения еще нескольких моделей¹¹, однако на современном этапе преобладающей стала первая модель, предполагающая приоритет мер, направленных на обеспечение безопасности общества, защиту его от опасных индивидов, зачастую в ущерб охраны прав человека¹².

Еще одним следствием изменения отношения общества и государства к контролю над преступностью явилось возрождение тюрьмы. В послевоенный период в США тюрьма воспринималась как неэффективный институт, к которому следует прибегать в самом последнем случае, а ее исправительный потенциал вызывал сомнения. Наблюдалась тенденция роста преступности и одновременного относительного снижения уровня заключенных. Однако в последние годы тенденция обратная — рост уровня заключенных при снижении уровня преступности. При этом одной из отличительных черт пенитенциарной политики, начиная с 1960-х годов, стала идея отказа от идеи реабилитации правонарушителей. Основными целями становятся возмездие, менеджмент риска и частная превенция. Ранее на идее реабилитации основывалась вся система наказания в США и Великобритании, и с падением этого оплота система вынужденно стала видоизменяться.

Тюрьма работает, но не как средство исправления, ресоциализации, а как средство изоляции осужденных от общества и удовлетворения общественной потребности в безопасности. Очевидно, что совокупность программ, реализуемых в рамках стратегии «закона и порядка», привели к существенному росту числа заключенных при снижении уровня преступности. В США возникло состояние, которое в современной криминологии принято называть «кризис наказания».

Приведем некоторые данные о тюремном заключении в США. По данным последних исследований за период с 1970 года тюремное население выросло на 628%¹³. В 2006 году за решеткой в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов находилось более 1,5 миллионов человек, при этом темпы роста количества заключенных увеличиваются (в 2006 году они составили около 3% вместо 1,9% в 2005 году)¹⁴. В местных тюрьмах отбывали на-

казание еще около 750 тысяч. По подсчетам на начало XXI века около 3% американцев в какой-либо период своей жизни отбывали наказание. По прогнозам через 5 лет тюремное население США увеличится еще на 13% и составит около 1,7 миллиона человек. Стоимость содержания заключенных может составить 27,5 миллиардов долларов США (из них 12,5 миллиардов будут потрачены на строительство новых тюрем)¹⁵. При этом в целом объем бюджетных средств, выделяемых на нужды исполнения наказаний, вырос более чем на 200% за 20 лет (с 1985 по 2005 год)¹⁶. По данным исследования, финансируемого благотворительным фондом Pew (Pew Charitable Trusts), затраты государства на систему контроля над преступностью увеличились с 6 миллиардов долларов в 1980 году до 60 миллиардов долларов в 2006 году. В среднем содержание одного заключенного обходится штату в 23 тысячи долларов в год.

Пополнение тюремного населения произошло не в последнюю очередь в связи с реализацией такой программы противодействия преступности, как «война с наркотиками». Проблематизация наркотизма явилась решением непростой задачи, с которой столкнулось федеральное правительство, пытаясь реализовать на практике лозунги о необходимости ужесточения контроля над преступностью: противодействие уличной преступности в соответствии с законодательством США являлось функцией власти на уровне штатов и на местном уровне. Для того чтобы обосновать «войну с преступностью» на федеральном уровне, правительству приходится начать «войну с наркотиками», связав в сознании населения проблему уличной преступности с проблемой наркотиков. По состоянию на 2003 год 20 процентов заключенных в тюрьмах штатов осуждены за преступления, связанные с наркотиками, в федеральных тюрьмах их доля более 50 про-

центов. При этом за период с 1995 года прирост числа этой категории осужденных составил 64 процента¹⁷. Всего за период с 1980 по 2005 год число осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось на 1000 процентов¹⁸.

Кроме того, согласно введенному в действие в 1996 году акту о миграционной реформе в федеральных тюрьмах содержатся также неграждане США, совершившие даже незначительные преступления. Добавление этой категории осужденных к уже имеющимся создало необходимость изыскивать дополнительные места в федеральных тюрьмах и способствовало приватизации.

Вопрос о том, каким образом наказание влияет на уровень преступности, является достаточно спорным. Институт юстиции Вера (Vera Institute of Justice) опубликовал отчет, в котором обобщил результаты 15 исследований о взаимосвязи показателей преступности и уровня заключенных. Если взять средний показатель, то получается, что рост числа заключенных на 10% снижает уровень преступности на 2–4%. В период с 1992 по 1997 год снижение уровня преступности в США было максимально быстрым, однако исследователи утверждали, что «заслуга» лишения свободы в этом снижении составляет лишь 25%. В будущем, однако, увеличение числа заключенных будет предотвращать все меньшее количество преступлений, а стоить будет гораздо дороже¹⁹.

Параллельно с изменением практик контроля преступности происходит и трансформация криминологической мысли. В послевоенный период преступность воспринимается как следствие дезадаптации семей и индивидов, результат социальной дезорганизации, иерархичности и жесткости общественной структуры, отсутствия легальных возможностей удовлетворения потребностей у социально неза-

щищенных категорий населения. Решение этой проблемы видится в создании индивидуальной программы реабилитации правонарушителей, поддержки семьи, реформы системы образования, в создании рабочих мест. Начиная с 70-х годов, идеи, оказывающие наибольшее воздействие на политику в области противодействия преступности, — это идеи теории контроля. Преступность представлена как следствие недостатка внешнего контроля над индивидом и его внутреннего самоконтроля. Криминология настаивает на ужесточении контроля и дисциплины. Преступление воспринимается как нормальное, повседневное явление. Возрождаются идеи классической школы криминологии о том, что преступник — рациональный индивид, обладающий свободой воли. Его поведение, в том числе и преступное, — это реакция на негативные и позитивные стимулы. Большую популярность в науке приобретают теории так называемой «криминологии повседневности» (рациональный выбор, рутинная деятельность, преступление как реализация возможности), программы ситуационной превенции. Преступления рассматриваются как события, которые вписаны в повседневную жизнь и не являются следствием ненормальности, не требуют специальной мотивации правонарушителя. Такой подход заставляет государство переместить внимание с преступности и преступления на событие преступления. Более важным становится изучение возможностей совершения преступления, криминогенных ситуаций.

Появляются различные программы предупреждения преступлений, основанные на идее о том, что преступные действия будут совершаться, если отсутствует контроль за поведением индивида и присутствуют привлекательные и неохраняемые объекты для преступления²⁰. Преступление становится риском, который можно подсчитать, или случайным происшествием, которого можно избежать. Меня-

ются стиль и идеология работы правоохранительных органов. Задачей полиции теперь является не борьба с преступностью, а предоставление услуг населению по снижению страха перед преступностью и обеспечению безопасности. Пениitenciарные учреждения более не преследуют цели ресоциализации осужденных (хотя, безусловно, реабилитационные программы сохраняются), а лишь содержат преступников отдельно от общества. Уголовно-исполнительные инспекции отказываются от стиля социальной работы и занимаются реализацией недорогих форм наказания, менеджментом риска и учетом потенциальных правонарушителей. Уголовная политика становится очень избирательной — она нацелена на идентификацию «горячих точек» преступности, выявление профессиональных и особо опасных преступников, рецидивных жертв.

При осуществлении профилактики следует уделять внимание не индивиду, но повседневному взаимодействию индивидов, дизайну окружающей обстановки, созданию механизмов контроля за поведением. Экономические соображения при формулировании задач, стоящих перед правоохранительными органами, выходят на первый план. Практики настаивают на более экономически эффективных и имеющих долгосрочные последствия программах (лечение потребителей наркотиков, превенция в рамках местных сообществ, образовательные программы в тюрьмах), а политики отдают предпочтение популистским мерам (массовое тюремное заключение, война с наркотиками). Дорогостоящие ресурсы системы уголовной юстиции считается целесообразнее тратить на противодействие наиболее серьезным преступлениям.

Особенно активно новые программы применяются на уровне местных сообществ, где внедряются такие программы, как общественная полиция (Community Policing), безопасные города (Safer Cities),

превенция с помощью дизайна окружающей среды (Crime Prevention through Environmental Design projects), соседский надзор (Neighbourhood Watch). У этих программ свои цели — обеспечение безопасности граждан, снижение вреда и убытков, снижение страха перед преступностью. Эти цели существенно отличаются от целей наказания, а новую стратегию противодействия преступности Д. Гарланд предлагает называть превентивным партнерством.

Превентивное партнерство вызывает появление целой инфраструктуры взаимодействия государственных и негосударственных органов, координации их работы по обеспечению общественной безопасности путем ликвидации возможностей для совершения преступлений и повышения бдительности граждан. Как в Великобритании, так и в США значительно увеличилось взаимодействие жилищных, образовательных, социальных, транспортных учреждений с правоохранительными органами; появились совместные организации противодействия преступности, включающие представителей государственных органов и общественности.

По мнению Гарланда, новые превентивные практики стирают грань между публичным и частным, расширяют границы официально координируемого контроля над преступностью за институциональные границы государства. Старая тенденция монополизации контроля (осуществление контроля над преступностью специализированными государственными органами) сменяется попытками государства привлечь к этой деятельности все большее число местных сообществ, структур гражданского общества. Расширяется индустрия частной безопасности, которая изначально зародилась в тени государства, но все чаще признается государством как полноценный партнер в сфере производства безопасности и контроля над преступностью.

Сфера услуг, традиционно предоставляемых полицией, становится смешанным рынком. Теперь услуги на нем предоставляются как государственными, так и частными компаниями: повседневные функции обеспечения безопасности берут на себя частные охранные структуры, а коммерческие организации и граждане инвестируют средства в услуги, предоставляемые частными компаниями, специализирующимися на обеспечении безопасности. В сфере наказания также наблюдается смешение публичного и частного в связи с ростом числа частных тюрем (в течение века администрирование тюрем осуществлялось именно государством и исключало наличие частного или коммерческого результата)²¹.

До последнего времени существовало восприятие, что сфера контроля над преступностью и исполнения наказания является обязанностью государства, которую должны выполнять государственные служащие во благо общества. Однако государственные институты (тюрьмы, уголовно-исполнительные инспекции, суды) видоизменяются и перенимают способы действия частных структур. Коммерческие интересы оказывают влияние на развитие уголовной политики. Вследствие этого границы между частной и публичной сферами в области уголовной политики стираются. В современной политической теории и криминологии такой новый процесс управления (в том числе управления в сфере контроля над преступностью), использующий новые методы и подходы, получил наименование *governance*²². Основной отличительной чертой этого подхода является взгляд на управление как на процесс, исходящий не только от государства как воплощения суверенной власти, но являющийся результатом согласования воли и усилий различных акторов — государственных и частных. Основными методами управления становятся не принуждение (с помо-

стью силы или авторитета нормы), а переговоры, выявление общих интересов, налаживание партнерских взаимоотношений. Объектом контроля становится не преступность, а вред, угрозы безопасности, что предопределяет новые методы реагирования. В современной криминологии все более распространенным становится использование термина *управление безопасностью* (governance of security), а не контроль преступности для описания стратегий уголовной политики²³.

Следует отметить, что Гарланд предостерегает от восприятия этой ситуации как отказа государства от осуществления своих функций по обеспечению безопасности. Скорее, эта новая форма управления преступностью на расстоянии и чужими руками все же направлена не на либерализацию, а на усиление тотального контроля²⁴. Государство управляет преступностью посредством ситуационных форм противодействия преступности, привлечения общественности. Это управление предполагает изменение уклада повседневной жизни в обществе. Там, где ранее государство нацеливалось на трансформацию девиантности, теперь оно стремится внести изменение в нормы, в повседневную деятельность и в сознание каждого. Государство сохраняет за собой все прежние функции, но вдобавок к ним берет на себя функции координации, поддержки, обмена информацией. В тех областях, в которых эти новые стратегии срабатывают, централизованная машина государства становится еще сильнее, расширяются ее возможности для действия и манипулирования. Безусловно, в то же самое время эти программы ведут к тому, что государство перестает воспринимать-

ся как представитель общественных интересов и главный защитник, однако здесь на помощь приходит риторика «закона и порядка», демонстрирующая населению возможности государства и символизирующая его силу. Использование термина «война» (с преступностью, с наркотиками, с терроризмом) в политическом дискурсе является очень удобным, поскольку позволяет идентифицировать общего врага, обеспечить общественную поддержку и аккумулировать необходимые ресурсы²⁵. Представляется, что предпочтению, отдаваемое жестким мерам наказания, является элементом популистской политики, проводимой в целях привлечения на свою сторону избирателей.

В рамках одной статьи невозможно описать все трансформации, происходящие в сфере уголовной политики зарубежных стран в последние десятилетия. Мы остановились лишь на изменениях, имевших место в США и Великобритании — за пределами остались перемены в других европейских странах, которые в ряде случаев были схожи, но нередко и принципиально отличны (особенно в сфере применения наказания). Интересным является анализ становления транснациональной системы противодействия преступности, изучение различных подходов к противодействию терроризму в странах, столкнувшихся с этой угрозой безопасности. Дальнейшее изучение уголовной политики, ее особенностей, степени эффективности, проведение сравнительных исследований, анализ взаимовлияния различных подходов к противодействию преступности является перспективным направлением в современной криминологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Garland D.* The Culture of Control. London: 2001.

² *Гарланд Д.* Культура контроля (реферат) // Отечественные записки. 2003. № 2.

³ *Белюсов К.* Глобализации социального контроля над девиантностью против криминальной глобализации // Глобализация и девиантность / Науч. ред. Я. Гилинский. СПб., 2006; *Маколи М.* Дети в тюрьме. М., 2008.

⁴ Сморгунова А. Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб., 2005; Сморгунова А. Л. Политика в области контроля над преступностью в США: критика с позиций аболиционизма // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. 2007. № 8 (34). С. 148–157.

⁵ См.: Garland D. The Culture of High Crime Societies: Some Preconditions of Recent 'Law and Order' Policies // British Journal of Criminology. 2000, Vol. 40. P. 360–364.

⁶ Garland D. The Culture of Control. P. 22.

⁷ Cavadino M., Dignan J. Penal Systems: A Comparative Approach. London: SAGE Publications, 2006. P. 53.

⁸ Шестаков Д. А. Криминология. СПб., 2006.

⁹ Jones T., Newburn T. Learning from Uncle Sam? Exploring U. S. Influences on British Crime Control Policy // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2002. Vol. 15. № 1.

¹⁰ Packer H. The Limits of Criminal Sanctions. 1968.

¹¹ Roach K. Four Models of the Criminal Process // The Journal of Criminal Law and Criminology. 1999. Vol. 89. № 2.

¹² Tonry M. Symbol, Substance, and Severity in Western Penal Policies // Punishment and Society. 2001. Vol. 3(4). P. 520.

¹³ Stemen D. Reconsidering Incarceration: New Directions for Reducing Crime. Vera Institute of Justice. NY, January 2007. P. 3.

¹⁴ Sabol W. Prisoners in 2006. Washington, DC: U. S. Department of Justice, 2007. P. 1.

¹⁵ Public Safety, Public Spending. Forecasting America's Prison Population 2007–2011. Public Safety Performance Project, 2007.

¹⁶ Stemen D. Op. cit. P. 14.

¹⁷ Harrison P., Beck A. Prisoners in 2005. Washington, DC: U. S. Department of Justice, 2006. P. 10.

¹⁸ Stemen D. Reconsidering Incarceration: New Directions for Reducing Crime. Vera Institute of Justice, NY, January 2007. P. 8.

¹⁹ Ibid. P. 2.

²⁰ Подробнее см.: Routine Activities. CrimeReduction. Home Office. Retrieved at: <http://www.crimereduction.homeoffice.gov.uk/learningzone/rat.htm>

²¹ Подробнее о приватизации тюрем см.: Сморгунова А. Л. Стратегии контроля над преступностью в США и Великобритании: приватизация тюрем // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. 2007. № 9 (46). С. 149–158.

²² The Sage Dictionary of Criminology. Ed. By McLaughlin E., Muncie J. London: Sage Publications, 2006. P. 189.

²³ См.: Loader I., Sparks R. Contemporary Landscapes of Crime, Order and Control: Governance, Risk, and Globalization // The Oxford Handbook of Criminology / Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007; Jones T. The Governance of Security: Pluralization, Privatization, and Polarization in Crime Control // The Oxford Handbook of Criminology / Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007;

²⁴ Garland D. The Limits of the Sovereign State: Strategies of Crime Control in Contemporary Society // British Journal of Criminology. 1996. Vol. 36. № 4. P. 454.

²⁵ Newburn T. Atlantic crossings: 'Policy Transfer' and Crime Control in the USA and Britain // Punishment and Society. 2002. Vol. 4(2). P. 175.